

Артур Конан Дойл

Приключение «Красного Круга»

*Часть сборника
Самые знаменитые
расследования Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл

Приключение «Красного Круга»

«ЭКСМО»

1911

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Приключение «Красного Круга» / А. Дойл — «Эксмо», 1911

«— Ну-с, миссис Уоррен, не вижу, что у вас есть особый повод беспокоиться, и не понимаю, с какой стати я, чье время имеет некоторую ценность, должен вмешиваться в это дело. Право же, мне есть чем заняться. Так сказал Шерлок Холмс и вернулся к толстой тетради, в которой размещал и индексировал сведения о своих недавних делах. Однако квартирная хозяйка была с избытком наделена упорством и хитростью, свойственными ее полу, и твердо стояла на своем...»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Дойл А., 1911
© Эксмо, 1911

Артур Конан Дойл

Приключение «Красного Круга»

Часть I

– Ну-с, миссис Уоррен, не вижу, что у вас есть особый повод беспокоиться, и не понимаю, с какой стати я, чье время имеет некоторую ценность, должен вмешиваться в это дело. Право же, мне есть чем заняться.

Так сказал Шерлок Холмс и вернулся к толстой тетради, в которой размещал и индексировал сведения о своих недавних делах.

Однако квартирная хозяйка была с избытком наделена упорством и хитростью, собственными ее полу, и твердо стояла на своем.

– В прошлом году вы уладили дело одного моего жильца, – сказала она. – Мистера Фэрдейла Хоббса.

– А, да! Очень простое.

– Да он-то только про то и говорил – про вашу доброту и как вы осветили мрак. Вот мне и припомнились его слова, как меня саму одолели сомнения и мрак. Я знаю, вы бы его осветили, если бы захотели.

Тщеславность иногда делала Холмса уступчивым, как, надо отдать ему справедливость, и его доброта. Две эти силы понудили его отложить со вздохом липкую от клея кисточку и отодвинуть кресло назад.

– Ну, что же, миссис Уоррен, расскажите, что вас тревожит. Вы, полагаю, не против табачного дыма?

Благодарю вас. Ватсон, спички! Как я понял, вас тревожит, что ваш новый жилец никуда не выходит из своих комнат, и вы вообще его не видите. Ну так, миссис Уоррен, будь вашим жильцом я, вы очень часто меня неделями бы не видели.

– Оно конечно, сэр, да только тут совсем другое. Я боюсь, мистер Холмс, ночами не сплю от страха. Слышать его быстрые шаги то туда, то сюда с раннего утра до поздней ночи и ни разочка его не увидеть – у меня сил нет терпеть. Мой муж нервничает не хуже меня, только он ведь весь день отсутствует на своей работе, а у меня никакой передышки нет. Из-за чего он прячется? Что он натворил? Я ж в доме совсем с ним одна, если не считать девушки, и тут никакие нервы не выдержат.

Холмс наклонился и положил тонкие длинные пальцы на ее плечо. Он обладал почти гипнотической силой утешать, если считал нужным. Испуг исчез из ее глаз, а расстроенное лицо вновь обрело обычное благодушие. Она села в кресло, на которое он указал.

– Если я займусь этим, мне необходимо знать все подробности, – сказал он. – Не торопитесь, подумайте. Малейший пустяк может оказаться наиважнейшим. Вы говорите, что он пришел к вам десять дней назад и заплатил за две недели вперед, включая стол?

– Спросил про мои условия, сэр. Я сказала: пятьдесят шиллингов в неделю. У меня на верхнем этаже есть обособленная маленькая гостиная и спальня со всем прочим.

– Ну, и?

– Он сказал: «Я буду платить вам пять фунтов в неделю, но на своих условиях». Я женщина небогатая, сэр, а мистер Уоррен зарабатывает мало, и деньги для меня очень даже важны. Он достал десятифунтовую бумажку и протянул ее мне: «Вы сможете получать столько же каждые две недели долгое время, если будете соблюдать мои условия. Если вы не согласны, то разговор окончен».

– В чем заключались эти условия?

– Ну, чтоб у него был ключ от входной двери. Да это ничего. Жильцы часто их берут. И еще чтобы никто к нему не входил и чтоб его ни по какой причине не беспокоили.

– Но ведь ничего необычного в этом нет?

– Если в меру, сэр. Только это уж сверх всякой меры. Он живет у нас уже десять дней, а ни мистер Уоррен, ни я, ни девушка ни разу его не видели. Слышим эти его быстрые шаги туда-сюда, туда-сюда, ночью, утром и весь день напролет, но если не считать первого вечера, он ни разу из дома не выходил.

– А, так, значит, в первый вечер он уходил?

– Да, сэр, и вернулся очень поздно, когда мы все уже спать легли. Когда он снял комнаты, он меня об этом предупредил, попросил, чтоб я дверь на засов не запирала. Я слышала, как он поднимался по лестнице уже после полуночи.

– Но как же он ест?

– Он особо потребовал, чтоб мы всегда, когда он позвонит, оставляли бы еду на стуле у его двери. А потом он опять звонит, и мы забираем посуду с того же стула. Если ему что-нибудь требуется, он печатными буквами пишет это на листке бумаги и оставляет на стуле.

– Печатными буквами?

– Да, сэр, печатными буквами карандашом. Одно слово, и только. Вот я захватила показать вам – МЫЛО. Вот еще – СПИЧКА. А этот он оставил в первое утро – «ДЕЙЛИ ГАЗЕТТ». Эту газету я каждое утро кладу рядом с его завтраком.

– Боже мой, Ватсон, – сказал Холмс, с большим любопытством глядя на листки, которые вручила ему квартирная хозяйка, – это, бесспорно, крайне необычно. Затворничество я могу понять, но почему печатные буквы? Это же такой утомительный процесс! Почему не писать? На что это указывает, Ватсон?

– Что он маскирует свой почерк.

– Но почему? Ну, увидит квартирная хозяйка слово, написанное его рукой, так что? Хотя, возможно, вы и правы. И почему такая лаконичность?

– Не нахожу объяснения.

– Это открывает приятные возможности для аналитических предположений. Слова, написанные самым обычным фиолетовым химическим карандашом с широким кончиком. Заметьте, листок оторван с этой стороны, после напечатывания слова, так что от «М» в «МЫЛЕ» осталась только половинка. Кое на что указывает, а, Ватсон?

– На осторожность?

– Вот именно. Очевидно, остался какой-то след, отпечаток большого пальца, ну, словом, что-то, что могло бы выдать его личность. Миссис Уоррен, вы сказали, что он среднего роста, темноволос и бородат. А его возраст?

– Он молод, сэр. Никак не больше тридцати.

– И больше вам нечего мне сказать?

– По-английски он говорил правильно, сэр, и все-таки я подумала, что он иностранец. По выговору.

– И хорошо одет?

– Даже очень щегольски, сэр, как джентльмен. Темный костюм, ничего такого заметного.

– Никакой фамилии не назвал?

– Нет, сэр.

– И писем не получал, и никто его не спрашивал?

– Нет.

– Разве вы или ваша девушка не входите в его комнаты утром?

– Нет, сэр. Он сам за собой прибирает.

– Бог мой! Вот это и правда поразительно. Ну, а его багаж?

– При нем был большой коричневый саквояж, а больше ничего.

– Ну, не слишком много материала, чтобы помочь нам. И вы говорите, из этих комнат ничего не выбрасывалось, абсолютно ничего?

Она достала из сумки конверт и вытряхнула на стол две обгорелые спички и окурок сигареты.

– Лежали на его подносе нынче утром. Я их прихватила, потому как слышала, что вы умеете очень много прочесть по самым мелочам.

Холмс пожал плечами.

– Тут ничего нет, – сказал он. – Спички, естественно, зажигались, чтобы зажечь сигарету. На это указывает малая длина сгоревшего конца. На то, чтобы раскурить трубку или сигару, уходит половина спички. Но вот окурки и правда примечательны! Вы сказали, что он носит бороду и усы?

– Да, сэр.

– Не понимаю. Я бы сказал, что курил эту сигарету совершенно бритый человек. Ватсон, ведь даже ваши относительно скромные усы были бы опалены.

– Мундштук? – предположил я.

– Нет-нет, кончик примят. А их там не двое, в ваших комнатах, миссис Уоррен?

– Нет, сэр. Он ест до того мало, что я часто думаю: и как это у него душа в теле держится? А уж на двоих, так и говорить нечего.

– Ну, полагаю, нам придется подождать, пока не добавятся еще факты. В конце-то концов, жаловаться вам не на что. Плату за квартиру вы получили; как жилец, он вам никаких хлопот не доставляет, хотя, бесспорно, жилец он необычный. Платит он вам хорошо, а если хочет прятаться, вас это не касается. У нас нет повода вмешаться, пока у нас не появится причина предположить, что тут кроется нечто нечистое. Я взялся за это дело и буду иметь его в виду. Сообщите мне, если обнаружится что-нибудь новое, и рассчитывайте на мою помощь, если она понадобится.

– В этом деле, Ватсон, бесспорно, есть некоторые интересные моменты, – заметил он, когда миссис Уоррен ушла. – Конечно, это может оказаться чем-нибудь банальным, вроде простой эксцентричности, или же чем-то куда более глубоким, чем выглядит на поверхности. Первой в голову приходит очевидная возможность, что человек, теперь занимающий эти комнаты, вовсе не тот, кто их снял.

– Что навело вас на эту мысль?

– Ну, помимо сигаретного окурка, разве не многозначительно, что единственный раз жилец вышел из дома немедленно после того, как снял комнаты? Он вернулся – или кто-то вернулся, – когда все свидетели уже не могли его увидеть. У нас нет никаких доказательств, что за полночь в дом вошел тот же самый человек, который вышел из него. И опять-таки, человек, снимавший комнаты, хорошо говорил по-английски. Этот другой, однако, печатает «спичка» вместо «спички». Думается, слово это взято из словаря, где оно значит как существительное, но не во множественном числе. Лаконичность может скрывать отсутствие знания английского. Да, Ватсон, есть веские причины полагать, что произошла подмена жильцов.

– Но ради чего?

– А! Тут-то и кроется наша проблема! Есть одна очевидная линия расследования. – Он взял толстую тетрадь, в которую день за днем клеивал колонки личных объявлений из разных лондонских газет. – Бог мой! – сказал он, пролистывая страницы. – Что за хор стонов, воплей и бляения! Какой мешок необыкновенных происшествий. Но, бесспорно, ценнейшие охотничьи уголья для исследования неожиданного! Этот человек совсем один, и с ним нельзя связаться письмом, не нарушив желаемой абсолютной секретности. Так как же он может получать сведения или известия извне? Очевидно, с помощью газетных объявлений. Иного способа как будто нет, и, к счастью, мы можем ограничиться только одной газетой. Вот вырезки из «Дейли газетт» за последние две недели. «Дама с черным боа в «Конькобежном клубе Принца...» – это мы

можем пропустить. «Неужели Джимми разобьет сердце своей матери?» – не подходит. «Если дама, упавшая в обморок в брикстонском омнибусе...» – она меня не интересует. «Каждый день мое сердце в томлении» – бляение, Ватсон, бляение чистой воды! А вот это теплее. Послушайте-ка! «Наберись терпения. Найду верный способ связываться. Пока эта колонка. Д.». Два дня после того, как жилец миссис Уоррен водворился у нее. Звучит правдоподобно, не так ли? Таинственный субъект понимает по-английски, хотя и путается, печатая слова. Поглядим, не сумеем ли мы снова найти след. Ну, вот, три дня спустя. «Успешно продвигаюсь. Терпение и осторожность. Тучи рассеются». После этого в течение недели – ничего. Затем следует что-то более определенное. «Путь расчищается. Если будет шанс просигнализировать известие, помни код: А – один, В – два и так далее. Уже скоро. Д.». Это было во вчерашней газете, а в сегодняшней нет ничего. Все это явно адресовано жильцу миссис Уоррен. Если мы чуточку подождем, Ватсон, не сомневаюсь, что тайна станет более понятной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.